

А.Е. Козлов

ТРАВЕЛОГИ «РУССКОГО ВЕСТНИКА» 50-х гг. XIX в.: ДИНАМИКА И ПРАГМАТИКА

Статья посвящена анализу жанровых особенностей травелогов «Русского вестника» 1850-х гг. – времени, ознаменовавшегося в истории журнала умеренным либерализмом. На примере путевых очерков П.Н. Кудрявцева, Н.В. Берга и Э. Циммермана рассматривается своеобразная динамика, определяемая как эксплицитными, так и имплицитными задачами издания. Во многих травелогах можно встретить анализ современного и исторического политического курса; опыт путешествия оказывается неразрывно связанным с опытом постижения большого мира.

Ключевые слова: «Русский вестник», травелог, жанровая динамика, русская литература XIX в.

Первые годы «Русского вестника» под редакцией М.Н. Каткова открывают новую страницу в истории издания, обнаруживая большее сходство с умеренно-либеральными журналами, нежели с «Русским вестником» Ф. Глинки или Н. Греча. В отличие от того же «Современника» или «Вестника Европы» «Русский вестник» явно порывает с традицией, а его редакция делает ставку на иного читателя, спектр возможностей которого не ограничен традиционалистскими и консерваторскими воззрениями.

Безусловно, синонимом «Русского вестника» 1850-х гг. становятся очерки, часто затрагивающие злободневные темы, как-то: «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Картины русского быта» В.И. Даля, «Житейские сцены» А.Н. Плещеева, рассказы П.И. Мельникова-Печерского, близкие по своей содержательной структуре к очерковому типу. Такая доминанта своеобразно входит в означенный контекст, учитывая особый статус очерковой литературы. Как показала А.И. Журавлева, очерк как разновидность реалистической прозы был органичен демократическим изданиям, отвечая критическим и эстетическим задачам, возлагаемым на эстетику художественного слова Н.Г. Чернышевским. По замечанию Журавлевой, «...на пути, к которому звал Чернышевский, был очерк, очерк и очерк...» [1. С. 137]. Тем не менее именно этот путь был избран «Русским вестником»¹.

¹ В противоположность очеркам, беллетристика «Русского вестника», за исключением некоторых явлений женской прозы и поэзии (Н. Соханская, Е. Тур, К. Павлова), значимых

Неоднозначность репутации «Русского вестника» усиливалась из-за возникающей синонимии журнала с отдельным произведением – «Губернскими очерками» Салтыкова-Щедрина¹. Так, описывая развитие гласности в предновогоднем фельетоне, анонимный автор «Искры» писал: «Милый ребенок! Давно ли в одной из книжек “Русского вестника”, за 1856 год, раздался твой первый лепет о какой-то взятке в 10 рублей, взятой в каком-то городе, каким-то письмоводителем с какого-то крестьянина...» [2. С. 588]. Подобным образом оценивается «Русский вестник» и в романе М.М. Стопановского «Обличители», где говорится о «Погодовестнике», вместившем в себя многие сатирические картины, направленные против губернской элиты. Из контекста произведения становится очевидной аллюзия на «Русский вестник» и обличительные очерки Салтыкова-Щедрина. Учитывая концепцию Г.В. Зыковой, рассматривающей журнал как сложно организованную структуру или гипертекст [3], можно предположить, что тематическая организация социального очерка оказывала определенное влияние на содержательную модель журнала.

Данные наблюдения свидетельствуют о том, что «Русский вестник» первого пятилетия Каткова воспринимался современниками в качестве либерального независимого издания, а его очерки – как наиболее достоверный способ репрезентации мнения редакции по современным и злободневным вопросам.

Особую роль в расширении читательских горизонтов сыграли травелоги, опубликованные в первое пятилетие существования журнала: «Письма из Германии» М. Капустина, «Письма из Флоренции» П.Н. Кудрявцева, «Парижские письма» Е. Тур, «Выписки из дневника, веденного в Пекине» В.П. Васильева и т.п. При анализе этих текстов следует учитывать специфику травелога как жанра.

Сегодня, когда травелог становится объектом исторического, культурологического и литературоведческого изучения, можно констатировать, что травелог – это теоретический конструкт, существующий на определенном уровне абстрагирования от первичной жанровой системы. По справедливому замечанию М.В. Строганова, «...понятие *травелог* не так давно вошло в научный оборот и пока

более в социальном смысле, чем эстетическом, представляла преимущественно тиражные, многократно повторяемые фабулы с большим количеством действующих лиц и минимальным сюжетным развитием. В то же время в кругу сотрудников «Русского вестника» оказалось немало беллетристов, начинавших свою карьеру в «Современнике» 1847 г.: П.Н. Кудрявцев, А.Д. Галахов, М.Е. Салтыков-Щедрин и пр.

¹ Там же помещались и знаменитые переводы В. Курочкина из Беранже.

еще не затвердело в границах строгих дефиниций. Проблемы уяснения его жанровой сущности и временных границ связаны с разнообразием феноменов художественного и научного творчества, которые называют этим термином» [4. С. 17]. Представляя полижанровое явление, или синтетическую форму репрезентации события, травелог формируется на пересечении разных, поэтологически далёких жанров [5].

Оговоримся, что в данной статье рассматриваются те очерки, в которых репрезентировано событие путешествия. При этом следует исходить из нарратологической специфики события, о чём пишет И.В. Силантьев, указывая на «...вовлеченность человека в отмеченный им факт или совокупность фактов» [6. С. 3–4] как конституирующее свойство события. По замечанию исследователя, «...событие не просто ментально, но и отчетливо аксиологично» [6. С. 4]. Аксиологичность события путешествия обусловлена самим сюжетом травелога, поскольку путешественник даёт увиденному некоторые оценки. Учитывая динамический аспект сюжета травелога, можно констатировать, что через диалог с пространством определяется некоторая шкала с заданными пределами и константами. Изучение этих пределов и констант в их нарративной обусловленности событием путешествия и составляет цель настоящего исследования.

Оговоримся, что данный критерий *событийности* позволяет исключить из предполагаемой типологии псевдотравелоги, т.е. такие тексты, сюжеты которых не связаны с событием путешествия. В «Русском вестнике» было опубликовано множество аналитических очерков, название которых образовано по сходной модели «Из + n₂»: «Из Милана», «Из Парижа», «Из Твери» и т.п. Например, письмо «Из Милана», открывающее цикл путевых очерков Н.В. Берга, содержит множество подробностей, касающихся переезда и увиденных достопримечательностей. Опубликованное в том же номере письмо «Из Твери» уже не является травелогом, сообщая о случившемся пожаре, т.е. единичном статичном хроникальном событии. Заключая в своих названиях семантику травелога, «Парижские письма» Е. Тур и «Две недели в Лондоне В. Боткина в меньшей степени соответствуют сюжету путешествия, представляя совокупность аналитических очерков, формально скрепленных перемещением по стране.

Особую проблему при изучении подобных жанровых форм представляют вопросы типологии: многие травелоги публиковались по так называемому эстафетному принципу: за «Письмами из Флоренции» П. Кудрявцева последовали «Флорентийские письма» А.Д., за «Па-

рижскими письмами» Я. Фельдмана – «Парижские письма» Е. Тур. Несмотря на совпадение названий и тематического репертуара, эти произведения представляли качественно разную «оптику», через которую оценивалась действительность. Знаменательно, что в ряде случаев собственно травелоги сменялись одноименными социальными или проблемными очерками, за счёт чего возникала иллюзия сериальности определенных сюжетов¹.

П.Н. Кудрявцев. От Берлина до Вены. Флорентийские письма. Будучи профессором истории, ученик Т.Н. Грановского Кудрявцев начинает свои путевые заметки с разговора о немецкой философии. Трансформируя фабулу действительного путешествия, он обращается к рассуждениям о качестве современной европейской науки: «Да, философия больше не в ходу в Германии. Кредит на нее упал временно. Великие мыслители сошли с арены» [8. С. 8]. Объясняя кризис классической философии, автор очерков иронически подчёркивает несостоятельность позитивизма: «Посредством долгого и пристального анализа материи пришли к тому, что в ней одной думают видеть достаточную основу всякого бытия. Явление не вовсе новое...» [8. С. 9]. Очевидно, в первом письме П.Н. Кудрявцева осуществлена попытка разоблачения и развенчания позитивизма.

В первых письмах, которые создаются в пути (во всяком случае, так сообщается), подобные рассуждения образуют тематическое ядро. Сам маршрут представляется чем-то второстепенным, не столь значимым. Здесь действует принцип единой пресуппозиции: Кудрявцев не переживает новое, а воспроизводит полученные ранее впечатления (см. его травелоги, опубликованные в «Отечественных записках»). Берлинские и венские достопримечательности не являются для него откровением; иными словами, эта часть путешествия фактична, но не событийна, поэтому нарративно значимой становится философская полемика, а не пространство.

Однако удаляясь от Германии, Кудрявцев избирает иной – медитативный тип повествования. Иногда эти медитации прерываются шутивными замечаниями, более напоминающими роман в стихах: «Чуть ли я уж не потерял нить моих болтливых рассказов. Позвольте:

¹ Об этом явлении, исходя из теоретических концепций западноевропейских исследователей [7], пишет Г.В. Зыкова: «...сериальная форма основана на понятиях процессуальности и прогресса, а видение мира как вневременного и неизменного предполагает веру в произведение искусства как автономное целое» [3. С. 14]. Добавим, что, сохраняя процессуальность и прогрессивность, травелог самой идеей направленности обеспечивал включенность отдельного путешествия в метасюжет журнала.

кажется, нашу последнюю станцию была Болонья? – с приятностью думается, что мы уже не в ней более, а во Флоренции» [8. С. 99].

Флорентийское путешествие Кудрявцева действительно отличается от берлинского и венского, оно в высшей степени медитативно¹, точнее, оно становится таковым в процессе письма. Лейтмотивом этой части записок становится поиск «золотой середины», центра, организующего время и пространство: «Я ничего так не люблю, как города средней величины. В них не растеряешься так, как в этих громадных столицах, где собрано всего гораздо более, чем сколько может охватить одно внимание и где особенно никогда не победишь пространства» [9. С. 169].

Являясь профессиональным историком, автор очерков ищет в увиденном «исторический след», его путешествие в меньшей степени связано с пространством; оно как будто осуществляется по временной оси. Так, для него не существует сколько-нибудь значимых флорентийских современников; Флоренция Данте и Микеланджело представляет в его записках абсолют исторического величия Италии. Всякий раз обращаясь к настоящему, описывая современную итальянскую литературу и журналистику, театр и живопись, повествователь значительным образом изменяет свой тон: «От прошедшего Флоренции перейдем к ее настоящему. Оно скудно, бедно, не блестит много и не бросается в глаза, но всё же оно есть, и уже одним своим ежедневным шумом и движением обращает на себя внимание» [9. С. 176]. Контрапунктом, практически завершающим путевые записки, становится анализ статьи Ламартина, в которой критиковалось творчество Данте, а «Божественная Комедия» сравнивалась с посредственной газетой. Эта критика в сознании Кудрявцева представляла посягательство на абсолютное прошлое Флоренции.

Травелог Кудрявцева, наряду с фабульной частью действительно го путешествия, содержит значимый сюжетный смысл. Его можно назвать феноменологическим, поскольку многое из описанного дано не в «прямой оптике»: Кудрявцев изучает не субъекты и объекты действительности, а порождаемые ими явления и следы этих явлений в сознании наблюдателя.

¹ Как следует из написанного М. Капустиным некролога, Кудрявцев отправился в Европу после смерти жены. Большинство биографов Кудрявцева отмечают, что он болезненно переживал это событие. В связи с этим логично предположить, что «медитативность» письма Кудрявцева имеет свою психотерапевтическую прагматику.

Н.В. Берг. Из Милана. Поездка в отряд Гарибальди. Биография Н.В. Берга 1850–60-х гг. представляет череду событий, которые могут в равной степени трактоваться как подвиги, так и как авантюры¹. Оставив поприще чиновника, пройдя Крымскую войну, в 1859 г. он поехал корреспондентом в Ломбардию, где имел возможность интервьюировать Гарибальди и итальянских повстанцев. Изучая историю вопроса, У. Перси подчёркивает: «...после публикации доклада о своих встречах с Гарибальди его (Н.В. Берга. – А.К.) положение перед русскими властями ухудшилось из-за прославления итальянского полководца. В самом деле, несмотря на общий восторг подвигами Гарибальди и признание благородных идеалов, которые он олицетворял <...> итальянский генерал был человеком, свергнувшим неаполитанского короля, наконец, он был другом А. Герцена, считавшегося, вместе с М. Бакуниним и Н. Огаревым, опасным революционером»² [10. С. 330]. Действительно, личность Н. Берга представляет ценный материал для изучения так называемой семиотики поведения, заставляя вспомнить жизненный путь Р. Медокса или Д.И. Завалишина [12].

Берг начинает свое повествование с тех деталей, которые в большей мере органичны плутовскому роману. «Опишу вам сначала кое-что из моих дорожных приключений» – так сам автор называет произошедшее на границе [13. С. 295]. «У нас я отделался без больших затруднений. А в парижской полиции своего рода приятности вроде наших уездных судов. Когда я пришёл, маленькая комната была наполнена чающими движения воды, а движение это зависело от пяти-шести лиц, сидевших за прилавком в разных местах» [13. С. 296]. Этот очерк бюрократического устройства с неизменной отсылкой к провинциальным порядкам заставляя вспомнить обличительную сатиру «Искры». Первое препятствие на пути Берга разрешается после данной им взятки. Знаменательно, что автор чистосердечно признается в этом, называя взятку знакомым делом: «Ну, слава богу, – подумал я, – дело знакомое: по нашему на чаёк» [13]; «В сардинском посольстве

¹ Довольно любопытной выглядит биография писателя. Его отец В.Л. Берг участвовал наряду с А.Л. Витбергом (крестным отцом Н.В. Берга) в создании проекта храма Христа Спасителя, что завершилось грандиозной авантюрой. В отличие от куратора проекта, он не был сослан, но по собственной воле покинул столицу.

² Как замечает Берг в своих записках, «...после испытан немало неприятностей со стороны тупых наблюдателей за русскими нравами и поведением русских за границей. Я попал и в сторонники Гарибальди, и в его волонтеры, и... мало ли что рассказывалось обо мне разными негодьями, а иногда и писалось в Петербург для увеличения моего досье» [11. С. 156].

тоже пришлось дать на чай» [13. С. 297]. Берг пишет об этой авантюрной подробности как о чём-то само собой разумеющемся. Впоследствии он в том же невозмутимом тоне рассказывает о том, как ему приходилось торговаться из-за двух франков с местными ветуринами.

В отличие от позиции Кудрявцева точка зрения Берга основана на сравнении: «Вид, обрамленный окнами кареты, напоминает, какую хотите из наших губерний. Ровно и плоско. Вон даже русская березка, а потом целая их купа» [13. С. 299]; «Издали здешние женщины, во время работ в поле, очень похожи на русских баб и девок <...>. Земля везде по-нашему дурна до крайности и переполнена мелкими камнями, но ее обрабатывают золотые руки, и все это обращается в золото» [14. С. 419]; «...те, которые работали без шляп, снова напоминали нам русских женщин» [15. С. 159]; «Случалось проезжать маленькие деревни. Когда я говорю *деревни*, забудьте о том, что представляется вам при этом слове на Руси. Каменные трехэтажные дома, превосходные мостовые, лавки не хуже тех, какие желал видеть в своем поместье Манилов» [15. С. 161]. На каждом шагу своего путешествия Берг ищет подходящую аналогию, решая таким образом задачу идентификации и со-общения с читателем. Подобные сравнения заставляют соотнести Россию Гоголя и Некрасова с Италией¹; однако дальнейшее усиление этой метонимии подразумевает сравнение государственных устройств не в пользу для Российской империи.

Неоднозначными выглядят замечания Берга о русских легионерах, пополнивших ряды французских зуавов, или добровольцах, отправившихся воевать за Гарибальди. Давая им общую оценку, Берг обращается к свойственной ему иронии: «Это разные шалуны всевозможных краев, шалуны, которым у себя оставаться неловко, и вот они ищут чужой службы» [14. С. 413]. В то же время, описывая своего русского собеседника, путешественник подчёркивает: «...бог знает, какими электрическими сотрясениями сердца при звуках родного языка, сообщила его с далёкою, навеки веков покинутою отчизной <...> Пласт чужой земли, наброшенный кое-как с кучей мелких камешков, покроет навсегда это русское тело, где, может быть, до последней минуты билось русское сердце» [14. С. 415]. Путешествующий по собствен-

¹ Значительное внимание в травелогe, как и в поэме Гоголя, уделено дороге. «Я прошел пешком шагов пятьсот и мог хорошо рассмотреть дорогу: дорога как дорога, нисколько не *bruttissima* и не *pericolosa*. Даже и слезать было бы не нужно. В России при таких спусках не слезают. <...> По-моему, гораздо *pericolos'ucmee* было катить рысью над обрывами, где не было никаких оград и даже столбиков» [15. С. 259].

ной инициативе Берг таким образом неоднократно выражает сочувствие и переживание по поводу искусственного положения своих соотечественников.

В то же время Берг демонстрирует вовлеченность в политическую жизнь. В его очерках довольно много деталей, свидетельствующих о реваншистских настроениях. Описывая город на итальянской границе, Берг остроумно замечает: «Куда ни поглядишь – французы. Та же история, что и под Севастополем <...> Хозяева здесь чужие люди. Француз дома, а пьемонтец, точно в гостях, сторонится и жмётся» [13. С. 301]. Он с пренебрежением отзывается о корреспонденте английского Times, считая его вертопрахом и лжецом¹, и иронизирует над украшающей французский трактир картиной, изображающей осаду Севастополя: «В третьем этаже, в комнате, исписанной кругом *al fresco*, подвигами французов под Севастополем (где Малахова башня чуть не равнялась нашей Сухарной...)» [13. С. 302]. Кроме того, называя себя российским представителем, Н.В. Берг подчеркивает значение своего визита, пребывания в Италии: «Я имею причины думать, что кроме магического звука “из штаба Виктора-Эммануила”, слово *Russo* имело здесь также свое значение. Оно напоминало ни больше, ни меньше про четыре корпуса на границах Австрии» [14. С. 429].

Берг смотрит на происходящее с имперским превосходством. Как и Кудрявцев, он сравнивает прошлое и настоящее. Память прошлого, следы истории он находит в архитектуре увиденных домов: «Точно какие духи пришли, выстроили и ушли, а люди, скитавшиеся до тех пор по горам без пристанища, заняли эти палаты...» [14. С. 161]. Тем не менее исторический смысл происходящего автор травелога видит не в фигурах ушедшей эпохи, а в современных повстанцах – Гарибальди и его окружении². При этом, учитывая общий авантюрный тон, нет никаких оснований верить портрету итальянского генерала;

¹ Корреспондент Times г. Ломекс был собеседником и приятелем Берга. Тем удивительнее читать о нём: «...как бывает очень часто с подобными ухарями, он ушел целехонек из-под наших батарей, в минуту известной безумной атаки под Балаклавой, атаки, про которую столько писано и переписано» [16. С. 231]. Возможно, такой взгляд на английского корреспондента обусловлен позицией А.П. Ермолова: «Скажи мне, пожалуйста, милый любезный Берг, хорошо французы дерутся? молодцы? Англичане, те не умеют драться. Англичане, брат, торгаши, а не солдаты!» [11. С. 156].

² В то же время Берг резонно замечает: «Необыкновенный город (Милан. – А.К.)! Чудесно перемешано в нем новое со старым, но старина все-таки давит своим величием <...> Много пройдет таких картин, много повиснет таких флагов из окон, но одни и те же останутся окна, одни и те же незаменимые палатки» [13. С. 306].

более того, содержание беседы Берга и Гарибальди в свете очевидных литературных аллюзий выглядит довольно сомнительно¹.

Берг создает два контрастных портрета. Изначально он рассказывает о гостеприимстве Гарибальди, описывая его как героя и истинного предводителя повстанцев. Это описание приходится на кульминацию военных действий, связанных с маджентским сражением и битвой под Сольферино. Второй портрет выполнен в ином ракурсе: здесь показан недомогающий человек, болезнь которого для читателя должна быть связана с внезапным и невыгодным для Италии миром. На вопросы Берга Гарибальди отвечает: «Меня всегда видели на стороне угнетенных, преследуемых судьбою народов. Я бился за них в Америке и здесь» [16. С. 285]. Внезапно речь полководца прерывается пылким монологом, в котором он говорит о ценности гражданских прав и свобод. Пересказывая речь Гарибальди, Берг воспроизводит ряд штампов и стереотипов о русском народе и России: «Я бесконечно благоговею перед вашим Императором, которому пришла мысль эманципации народа, одаренного, сколько я его разумею, самыми необыкновенными способностями и живущего среди земли, которой нет ничего подобного по силам и богатствам всякого рода. Это лучший кусок вселенной. Эманципировать такую землю – дело необыкновенное, мысль непростой души» [16. С. 284]. Несмотря на известное гостеприимство Гарибальди, представляется сомнительным, что он действительно мог назвать Россию лучшей и избранной землей. Тем не менее эта мысль дорога Бергу, и именно с ней он возвращается домой.

Последний путевой очерк связан с изменением позиции повествователя. Большую часть главы Берг, путь которого лежит через Берлин и Дрезден, «примеряет» маску странствующего студента. Он описывает дрезденскую картинную галерею, уделяя особое внимание предмету восхищения всех российских интеллектуалов – «Сикстинской мадонне» Рафаэля.

¹ В опубликованных посмертно записках Н. Берга об этих встречах сообщается лаконично: «Я уладил без труда разъезды не только по французской армии, но и по итальянской, а под конец кампании попал в штаб Гарибальди, видел этого знаменитого человека очень близко – в Тирано, главном городе Валкамоники, и в Ядоло, на берегу озера Изео, в альпийских горах.<...> Прощаясь со мною, он сказал: “Помните постоянно, что лучший ваш друг живет в Италии!”» [11. С. 156]. В другом месте Берг сравнивает встречу с Гарибальди с визитом к Гоголю: «Признаюсь: подходя к двери, за которою я должен был увидеть Гоголя, я почувствовал не меньше волнения, с каким, одиннадцать лет спустя, подходил в первый раз к двери марсальского героя» [18. С. 391].

Обратная дорога не составляет сколько-нибудь связной и детальной повествовательной линии. Демонстрируя качественно новый опыт, приобретенный в Ломбардии, Берг лаконично замечает: «Теперь я дома. Странное впечатление производит Россия и ее порядки, когда воротиться из-за границы. Такой хаос, так кипит и надрывается сердце, а надрывается, потому что, окинув мысленным взглядом нашу удивительную землю, этот “лучший кусок вселенной”, как выражаются о нем даже чужие, припомнив и сообразив эти силы, которые прут сами собою, сколько ни хлопочут их удерживать, эти никому хорошо неведомые и неизмеренные богатства, чувствуешь, что и нам можно бы жить, как живут другие, и даже во многом остановить их внимание, как они теперь останавливают наше» [17. С. 236]. Соответственно, европейское путешествие Берга несет определенную прагматику, соотносимую с целями автора «Путешествия из Петербурга в Москву». Берг не только создает ряд ярких картин, но и соотносит их с происходящим в России, намекая таким образом на необходимость своевременных преобразований. Его травелог в большей мере связан с настоящим временем, а сюжет представляет историсофскую попытку понять происходящее в России через призму современной Европы.

Э.Р. Циммерман. Путешествия по Америке. Травелог Циммермана представляет важное свидетельство об определяющихся стереотипах, связанных с Новым Светом. Характерно то, что автор многократно указывает на ускользающий от него бег времени. Стараясь сделать фотографию определенного момента, зафиксировать его в своих очерках, путешественник указывает на объективные сложности, возникающие при этом. Циммерман обращается к характеристике одной анонимной книги, в которой приводились сведения о современной американской жизни: «Вообще, брошюра, по мнению самого автора, может иметь интерес разве только в историческом отношении, представляя нечто давнопрошедшее, бывшее <...>; но она никак уж не может служить руководством для туриста» [19. С. 737–738]. Далее Циммерман пишет о европейских путешествиях как некоторой устойчивейшей данности: «...стоит купить путеводитель, и впредь во всей подробности узнаешь, что и где увидишь, какие достопримечательности находятся по пути. Всякий уверен, что встретит по дорогам и разным местам именно то, что обозначено в книге» [19. С. 738]. В противоположность европейским проторенным дорогам, пути в Новый Свет представляют, по его мнению, неизвестность. Действительность, сущностные основания которой первичны в сравнении с книжным

текстом, открывается *de facto*: «Здесь же в северо-западном краю Америки подобные путеводители не послужили бы, конечно, ни к чему» [19]; «Здесь статистик, если не хочет отставать от современности, должен обладать духом прорицания...» [19. С. 752]. Как следует из писем, многие города, которые ему доводилось наблюдать, появились на свет сравнительно недавно, не имея истории и связи с прошлым, они олицетворяют настоящее время, общую *недостроенность* и *животрепеющее развитие*. «В границах штатов, – пишет Циммерман, – с каждым годом основывается такое множество новых мест, что основатели затрудняются часто, как поименовать новый город. Воображение в таком случае черпает название из географии Старого Света, из мифологии, истории, из всех царств природы; прибегает также к именам значительных личностей; так, между прочим, здесь в названиях городов повторился весь ряд двенадцати президентов, начиная от первого и до последнего, г. Пирса» [21. С. 426].

Иллюстрируя свою мысль о быстротечности и неуловимости времени в Америке, Циммерман приводит ряд характерных ситуаций. Показательна история посещения Lady Academy, во время которого он со спутниками присутствовал на открытых уроках. Путешественник подчеркивает, что обучающиеся девицы прекрасно рассказывали о ходе пелопонесских войн. Такое внимание к прошлому кажется ему странным и представляет в его воображении диссонанс с нештукатуренными стенами недавно открытого пансиона. «Странно как-то было здесь вспоминать о пелопонесских войнах, о Перикле, здесь, в Америке, где даже европейское кажется уже древностью, где прошедшее быстро сливается с настоящим, и, кажется, всё живёт одним только будущим» [20. С. 565]. В связи с этим Циммерман приводит метафору, определяющую один из лейтмотивов травелога: «Они находят в своих железных дорогах своего рода поэзию: эти дороги для Американца то же, что для нас “бойкая, необгонимая тройка”»¹ [20. С. 565]. Таким образом, именно железная дорога с ее бесконечным потенциалом и урбанистической сутью становится для него образом Нового Света, вбирая в себя не только пространство, но и время.

Сравнивая своё путешествие с европейским, Циммерман говорит о специфике увиденного: «Путешествующий по европейским городам

¹ По другому поводу Циммерман замечает: «В географическом положении России, в задаче, которая предстоит ей в будущем, он (американец. – А.К.) видит много сходного с состоянием своего отечества. Такой взгляд на наше отечество передается уже в школах» [22. С. 226].

интересуется преимущественно произведениями искусств, памятниками древности и тому подобными достопримечательностями. Редкому вздумается там посещать заведения вроде больниц, богаделен и тюрем» [21. С. 205]. Как следует из этого замечания, большая часть очерков посвящена описанию быта и бытовой культуры американцев. Автор подчеркивает, что «положительный тип» мышления именно в Америке нашёл свое конечное воплощение и, по его мнению, определил появление новой генерации деловых людей¹. В ряде случаев автор очерков говорит об американцах как об исключительной, недавно возникшей нации, представляющий особый тип ментальности и мировидения: «Так сильно влияние этой страны на разные племенные типы: дети переселенцев даже в первом колене совершенно переждаются сообразно природе, обычаям и нравам, их окружающим. Родители, томимые тоской по родине, нередко возвращаются в Европу, но дети ни в коем случае уже не хотят следовать за ними в покинутую отчизну» [20. С. 572–573]; «Переселенец в новой стране должен совершенно преобразиться, отказаться от своего прошедшего, забыть его, словом, стать новым человеком» [20. С. 562]². Так сюжет травелога, при неизменности временного вектора, обретает антропологическое измерение. Пребывание в мире «новых людей», рассказы из жизни «новых людей»³ – всё это становится организующей темой травелога.

Открытый характер времени своеобразно отражается на композиции очерков. Строго говоря, письма лишены жесткой композиционной структуры: они не подразумевают зачина, равно как и исключают саму возможность завершения. В этом случае принципиальная невозможность завершения очерков также является знаком постоянно развивающегося, устремленного в будущее времени.

¹ См. об этом: «Вообще, здесь в публике встречается гораздо более интереса к положительным знаниям, и в особенности к естественным наукам, чем где-либо в Европе <...> У них скорее высказывается стремление постичь мир в настоящем его существе» [22. С. 100–101]; «Правда, в характере янки материализм составляет немаловажную черту, но только совсем в другом смысле: его материализм проявляется в преимущественно в стремлении к полезному в материальном отношении, и потому он во всяком случае стоит выше материализма наслаждения» [22. С. 208].

² Такие рассуждения ведут к довольно неоднозначным выводам: «Участь дикарей возбуждает сожаление, но она неизбежна: в интересе человечества, цивилизация не может останавливаться в развитии своем, хотя бы при этом пришлось гибнуть нескольким диким племенам» [23. С. 763]; «Никто не вправе остановить поток движущегося по пути прогресса человечества, хотя бы в этом потоке и гибли личности, гибли целые племена» [23. С. 793].

³ В сущности, мораль американцев в интерпретации Циммермана предельно близка идеям разумного эгоизма Н.Г. Чернышевского.

Очерки Циммермана создаются за два года до начала гражданской войны в Америке. Автор очерков неоднократно останавливается на обостряющихся противоречиях Севера и Юга, часть его писем посвящена беседам с южными невольниками. «Один из них за тайну поверил нам, что Христос не кто иной, как глава аболиционистов: он теперь на севере собирает своих приверженцев и скоро явится освободить их» [20. С. 601] – подобные намёки и прогнозы часто вводятся в текст данного путешествия. По мнению Циммермана, именно слияние рабов и рабовладельцев в единую нацию является залогом успешного будущего Америки. Учитывая, что очерки публиковались в «Русском вестнике» во время обсуждения грядущей реформы по отмене крепостного права, в этом и подобных замечаниях можно видеть попытку прогнозировать историю собственной страны.

* * *

Рассмотренные травелоги «Русского вестника» представляют важное историческое свидетельство, затрагивающее не только жанровую динамику, но и прагматику толстожурнальных изданий. Пребывая в состоянии становления, «Русский вестник» через очерки показывал различные варианты развития страны, словесности, ментальности и языка.

Путевые очерки позволяли дать наглядные решения существующих в историческом выборе вопросов. Привлекая читателя занимательными фактами, деталями и историями, травелоги в то же время способствовали расширению познавательного горизонта. Определяемые очерками векторы: европейский, азиатский и американский – демонстрировали разные картины мира, членимые единой – русской языковой ментальностью и определяемые некоторым «имагологическим текстом» русской культуры [24].

Три рассмотренных очерка, как отмечалось выше, демонстрируют разную оптику, разный взгляд на действительность. Исторический взгляд П.Н. Кудрявцева, авантюрное повествование о настоящем Н.В. Берга и, наконец, прогнозы Э.Р. Циммермана – предполагали активный диалог с читателем и находили развитие в других журнальных статьях. Так, очерки Кудрявцева печатались параллельно с различными разысканиями, посвященными критике позитивизма; злободневность очерков Берга усиливалась многочисленными исследованиями международных отношений Австрии и Италии; наконец,

наблюдения Циммермана подкреплялись описаниями различных аграрных и сельскохозяйственных реформ в Европе и Америке.

Таким образом, очерки, письма, путевые заметки – разнообразные жанровые формы, репрезентирующие событие путешествия, безусловно, делали читателя сопричастным мировой хронике, по-своему синхронизируя биографическое время с фундаментально-историческим.

Можно утверждать, что эта оптика в скором времени окажется нерелевантной, а подходы к описанию действительности – не соответствующими новым задачам издания. Они сменились темами «ино-го вектора», во многом скорректированного консервативным курсом «Русского вестника» 1860-х гг.

Литература

1. *Журавлева А.И.* Проблема народа и художественные искания русской литературы 1850–1860-х годов // Кое-что из былого и дум: О русской литературе XIX века. М., 2013.

2. *Н. 1860* (трагедия или фарс, по усмотрению каждого смертного) // Искра. 1860. № 51.

3. *Зыкова Г.В.* Поэтика русского журнала. М.: Макс Пресс, 2005.

4. *Строганов М.В., Милюгина Е.Г.* «Охота к перемене мест»: феномен путешествия в русской культуре // Строганов М.В., Милюгина Е.Г. Русская культура в зеркале путешествий. Тверь, 2013.

5. *Анисимов К.В.* Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) // Имагология и компаративистика. 2014. № 1.

6. *Силантьев И.В.* Нарратология и сюжетология: к разграничению предмета исследования // Сюжетология и сюжетография. Новосибирск, 2014. № 1.

7. *Hughes L., Lindt M.* The Victorian Serial. Charlottesville: University Press of Virginia, 1991.

8. *Кудрявцев П.Н.* От Берлина до Вены // Русский вестник. 1857. Янв. Т. 7, кн. 1.

9. *Кудрявцев П.Н.* Письма из Флоренции. Современная летопись // Русский вестник. 1857. Февр. Т. 7, кн. 1.

10. *Перси У.* Путевые заметки Николая Берга о Ломбардии в 1859 году и его встреча с Дж. Гарибальди // Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты. Новосибирск, 2013.

11. *Берг Н.В.* Посмертные записки // Русская старина. 1890. № 2.

12. *Лотман Ю.М.* О Хлестакове // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. Т. 1.

13. *Берг Н.* Из Милана // Русский вестник. Современная летопись. 1859. Июнь. Кн. 1.

14. *Берг Н.* Из Брешии // Русский вестник. Современная летопись. 1859. Июнь. Кн. 1.

15. *Берг Н.* Поездка в отряд Гарибальди // Русский вестник. Современная летопись. 1859. Июль. Кн. 2.

16. Берг Н. Вторая поездка к Гарибальди // Русский вестник. Современная летопись. 1859. Авг. Кн. 1.
17. Берг Н. На обратном пути // Русский вестник. Современная летопись. 1859. Окт. Кн. 1.
18. Берг Н.В. Воспоминания о Н.В. Гоголе // Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952.
19. Циммерман Э.П. Путешествие по Америке. // Русский вестник. 1859. Дек. Кн. 1.
20. Циммерман Э.П. Путешествие по Америке // Русский вестник. 1859. Дек. Кн. 2.
21. Циммерман Э.П. Путешествие по Америке // Русский вестник. 1859. Февр. Кн. 1.
22. Циммерман Э.П. Путешествие по Америке. // Русский вестник. 1859. Июнь. Кн. 2.
23. Циммерман Э.П. Путешествие по Америке: От Нью-Йорка до озера Эри // Русский вестник. 1859. Сент. Т. 23, кн. 2.
24. Янушкевич А.С. От картины мира к образу мира: история становления имагологического текста в русской словесной культуре // Имагология и компаративистика. 2014. № 2.

THE RUSSIAN MESSENGER TRAVELOGUES OF THE 1850S: DYNAMICS AND PRAGMATICS

Imagology and Comparative Studies, 2015, 1(3), pp. 143–159. DOI: 10.17223/24099554/3/9
Kozlov Alexey E. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexeykozlov54@gmail.com

Keywords: *The Russian Messenger*, travelogue, dynamics of genres, Russian literature of the 19th century.

The article is devoted to the analysis of genre features of travelogues of *The Russian Messenger* ("Russkiy Vestnik"). The definition "travelogue" is investigated and researched in the context of the narratology conception of "event" and "eventfulness".

The period of the 1850s in the history of *The Russian Messenger* is connected with public activity of Mikhail Katkov and was marked by a moderate liberal course. On the example of travelogues of Petr Kudryavtsev, Nicolay Berg and Eduard Zimmermann the specific dynamics of the genre is considered determined by both explicit and implicit objectives of the periodical.

The travelogue of Kudryavtsev can be called a phenomenological experience of reality description. Europe, especially Italy (Venice and Florence), in his travelogues is present in the absolute past. Narration in this travelogue has a meditative character. It can be explained as thoughts about death.

Letters of Nicolay Berg, on the contrary, are connected with modern reality. His travelogue is ambivalent. On the one hand, it present actual "world picture" with heroes and major significant persons, e.g. Garibaldi. On the other hand, it is an adventurer type of travel, which can be explained in the context of "behavior semiotics". A big part of Berg's narration is a model of reality with potential stories, potential worlds and thoughts. After many years Berg describes it again without details and detailed representation of reality.

The travelogue of Eduard Zimmermann, who long traveled in America, open the future of the Old and the New Worlds. This variant of reality reflects the historical way of Russia. Zimmermann's metaphors of railway, steamship, factories and other present a new vision of

the new reality. This reality generates a new anthropological type, which realizes the conception of “rational egoism” and utilitarianism.

The three investigated travelogues, as noted above, demonstrate different optics, a different view of reality. Descriptions here often transform into contemporary and historical policy analysis.

It is concluded that letters, essays and travel notes are diverse genre forms that represent the event of travel. They certainly made readers feel involved by synchronizing their own biographical time with the fundamental and historic one. So travel experience is linked with the experience of understanding the global process in the world.

It can be argued that the optics in the near future would be irrelevant, and the approaches to the description of reality not meeting the new challenges of the periodical. They were replaced by themes of the conservative course of *The Russian Messenger* of the 1860s.

References

1. Zhuravleva, A.I. (2013) Problema naroda i khudozhestvennyye iskaniya russkoy literatury 1850-kh – 1860-kh godov [The problem of the people and artistic quest of Russian literature of the 1850s–1860s]. In: Zhuravleva, A.I. *Koe-chno iz bylogo i dum. O russkoy literature XIX veka* [Something from the past and thoughts]. Moscow: Moscow State University.
2. N. (1860) (tragediya ili fars, po usmotreniyu kazhdogo smertnogo) [(Tragedy or farce, at the discretion of every mortal)]. *Iskra*. 51.
3. Zykova, G.V. (2005) *Poetika russkogo zhurnala* [Poetics of the Russian journal]. Moscow: Maks Press.
4. Stroganov, M.V. & Milyugina, E.G. (2013) “Okhota k peremene mest”: fenomen puteshestviya v russkoy kul'ture [“Wanderlust”: the phenomenon of traveling in Russian culture]. In: Stroganov, M.V. & Milyugina, E.G. *Russkaya kul'tura v zerkale puteshestviy* [Russian culture in the mirror of travels]. Tver: Tver State University.
5. Anisimov, K.V. (2014) The eastern travelogue of the 19th century Russian literature: the imagination of imperial peripheries in the perspective of narrative poetics (introductory observations). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 5–21. (In Russian).
6. Silant'ev, I.V. (2014) Narratology and theory of plot: to the delimitation of the research subject. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 1. pp. 3–8. (In Russian).
7. Hughes, L. & Lindt, M. (1991) *The Victorian Serial*. Charlottesville: University Press of Virginia.
8. Kudryavtsev, P.N. (1857) Ot Berlina do Veny [From Berlin to Vienna]. *Russkiy vestnik – The Russian Messenger*. January. 7:1.
9. Kudryavtsev, P.N. (1857) Pis'ma iz Florentsii. Sovremennaya letopis' [Letters from Florence. Modern chronicle]. *Russkiy vestnik – The Russian Messenger*. February. 7:1.
10. Percy, W. (2013) Putevye zametki Nikolaya Berga o Lombardii v 1859 godu i ego vstrecha s Dzh. Garibal'di [Travel notes of Nicolay Berg on Lombardy in 1859, and his meeting with G. Garibaldi]. In: Pecherskaya, T.I. (ed.) *Literatura puteshestviy: kul'turno-semioticheskie i diskursivnye aspekty* [Literature of Travel: cultural-semiotic and discursive aspects]. Novosibirsk: Gaudeaums.
11. Berg, N.V. (1890) Posmertnye zapiski [Posthumous Papers]. *Russkaya starina*. 2.
12. Lotman, Yu.M. (1992) O Khlestakove [On Khlestakov]. In: Lotman, Yu.M. *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Articles on semiotics and cultural typology]. V. 1. Tallin: Aleksandra.

13. Berg, N. (1859) Iz Milana. Sovremennaya letopis' [From Milan. Modern chronicle]. *Russkiy vestnik – The Russian Messenger*. June. 1.
14. Berg, N. (1859) Iz Breshii. Sovremennaya letopis' [From Brescia. Modern chronicle]. *Russkiy vestnik – The Russian Messenger*. June. 1.
15. Berg, N. (1859) Poezdka v otryad Garibal'di. Sovremennaya letopis' [A visit to the squad of Garibaldi. Modern chronicle]. *Russkiy vestnik – The Russian Messenger*. July. 2.
16. Berg, N. (1859) Vtoraya poezdka k Garibal'di Sovremennaya letopis' [A second visit to the squad of Garibaldi. Modern chronicle]. *Russkiy vestnik – The Russian Messenger*. August. 1.
17. Berg, N. (1859) Na obratnom puti. Sovremennaya letopis' [On the way back. Modern chronicle]. *Russkiy vestnik – The Russian Messenger*. October. 1.
18. Berg, N.V. (1952) Vospominaniya o N.V. Gogole [Memories of N.V. Gogol]. In: Mashinskiy, S. (ed.) *Gogol' v vospominaniyakh sovremennikov* [Gogol in the memories of the contemporaries]. Moscow: GIKhL.
19. Zimmerman, E.R. (1859) Puteshestvie po Amerike [Travel in America]. *Russkiy vestnik – The Russian Messenger*. December. 1.
20. Zimmerman, E.R. (1859) Puteshestvie po Amerike [Travel in America]. *Russkiy vestnik – The Russian Messenger*. December. 2.
21. Zimmerman, E.R. (1859) Puteshestvie po Amerike [Travel in America]. *Russkiy vestnik – The Russian Messenger*. February. 1.
22. Zimmerman, E.R. (1859) Puteshestvie po Amerike [Travel in America]. *Russkiy vestnik – The Russian Messenger*. June. 2.
23. Zimmerman, E.R. (1859) Puteshestvie po Amerike. Ot N'yu-Yorka do ozera Eri [Travel in America. From New York to Lake Erie]. *Russkiy vestnik – The Russian Messenger*. September. 23:2.
24. Yanushkevich, A.S. (2014) From the world picture to the world image: the history of the imagological text formation in Russian literary culture. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2. pp. 5–16. (In Russian).